

ВАЛЮТНАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ: ВЫЗОВ ГЕГЕМОНИИ США?***Алексей Владимирович КУЗНЕЦОВ**

доктор экономических наук, старший научный сотрудник,
профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
kuznetsov0572@mail.ru

История статьи:

Принята 31.01.2017
Принята в доработанном
виде 22.02.2017
Одобрена 09.03.2017
Доступна онлайн 27.04.2017

УДК 339.986

JEL: F01, F31, F33

Аннотация

Предмет. В 2009 г. Китай вышел на лидирующую позицию в мире по объему товарного экспорта, в 2014 г. опередил США по размеру ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности валют, в 2016 г. юань был включен в состав корзины Специальных прав заимствования (СПЗ) – безналичного резервного актива МВФ. Заменит ли юань доллар в качестве мировой резервной валюты? Следует ли бизнесу и государствам готовиться к масштабной диверсификации своих валютных активов? Послует ли Китай англо-американской модели глобализации? Ответы на эти вопросы можно получить, вооружившись историческим опытом смены глобального лидерства, а также изучив факторы, влияющие на реализацию Китаем своего потенциала восходящей экономической сверхдержавы.

Цели. Изучение мотивов, проблем и институциональных механизмов реализации Китаем политики интернационализации юаня.

Методология. Исследование основывается на диалектическом подходе. При изучении особенностей интеграции Китая в мировую экономику использовался институциональный подход, а также методы историко-логического и системного анализа.

Результаты. Исторически Китай на много веков опередил Запад в научных открытиях и технических изобретениях, но затем отказался от их дальнейшей модернизации, перейдя к политике изоляционизма. В XXI в. Китай превратился в мировую мануфактуру по глобальному тиражированию продуктов западной цивилизации. Важную роль в этом процессе играет валютная политика. Учрежденные под эгидой Китая международные финансовые и экономические институты создают конкуренцию, но не представляют альтернативы панамериканским институтам.

Выводы. Китай предпринимает активные попытки по интернационализации юаня. Однако существование принципиальных различий между американским и китайским подходами к глобализации не позволяет юаню претендовать на ту многофункциональную и доминирующую роль, которую выполняет американская валюта в современном мире. Более того – Китай выступает за введение международной наднациональной денежной единицы, неподконтрольной юрисдикции суверенных государств.

Ключевые слова: доллар США, глобализация, интернационализация юаня, международные финансовые институты, мировые деньги

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2017

Введение

По мере насаждения глобальной модели потребительского общества (с подачи США) сфера влияния доллара распространилась далеко за пределы непосредственно экономических отношений, а характер воздействия доллара на человеческое поведение стал поистине универсальным. Однако несмотря на необычайную силу и

власть, которой обладает американская валюта над современным миром, существует мнение (и оно приобретает все больше сторонников), что дни доллара сочтены, что он вошел в необратимую эволюционную фазу утраты верховенства в мировой валютной иерархии, как это в свое время произошло с другими валютами, претендовавшими на ключевое значение для мировой экономики: аттической драхмой, римским ауреусом, венецианскими и генуэзскими золотыми дукатами, испанскими дублонами, голландскими гульденами и

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ.
Грант № 15-02-00669.

британскими фунтами стерлингов, то есть валютами всех тех государств, которые, сменяя друг друга, поочередно поднимались на вершину мирового экономического олимпа. И если следовать историческим параллелям, то в будущем на смену доллару придет валюта, отождествляющая экономическую мощь новой мировой сверхдержавы, такой как, например, Китай [1].

Если допустить именно это развитие ситуации, сколько же времени понадобится юаню, чтобы занять место современной мировой валюты – доллара? Существует такая последовательность трансформации международного доминирования: (1) экономика → (2) политика → (3) валюта → (4) язык. В настоящее время Китай уже обошел США по объему ВВП. Можно предположить, что при определенных условиях через 20–30 лет китайский юань имеет шансы превратиться в самую влиятельную мировую валюту [2].

Следует отметить, что замена фунта стерлингов долларом США в качестве ключевой резервной валюты проходила достаточно долго. Несмотря на то что уже в 1870 г. США обогнали Великобританию по объему произведенных товаров, процесс реального вытеснения фунта стерлингов с позиций господствующей международной валюты начался только в канун Первой мировой войны и окончательно завершился лишь после Второй мировой войны [3].

Очевидно, что с учетом современных информационных и коммуникационных технологий, обслуживающих международные финансовые операции, процесс выдвигания юаня на место американского доллара мог бы проходить более высокими темпами, чем это было во времена, предшествующие эпохе информационного общества. Однако прежде чем анализировать экономические предпосылки интернационализации юаня, следует рассмотреть возникновение понятия мировых денег в более широком, цивилизационном контексте.

Экономическая специфика китайской цивилизации

Небезынтересно отметить, что статус мировых денег всегда был прерогативой западной цивилизации. И хотя первые деньги в форме монет появились в странах восточного Средиземноморья (в частности в Лидии) еще в VII веке до н.э., статус мировых они получили лишь 2 000 лет спустя, после осуществления великих географических открытий странами Западной Европы. Тогда золотые и серебряные монеты доминирующих на то время морских и торговых империй в процессе обслуживания международного торгового оборота распространились по всем уголкам земного шара. При этом торговая политика западных метрополий с самого начала межконтинентальных отношений носила ярко выраженный агрессивный, завоевательный и конкурентный характер. Экспансия западных ост-индийских и вест-индийских компаний (прототипов современных ТНК) велась исключительно в целях обогащения метрополий за счет безжалостного истребления и опустошительных грабежей местного населения колонизируемых неевропейских континентов, а также ведения жестоких войн между самими метрополиями за право господства на морях и океанах.

Китай не принимал активного участия в проведении колониальных компаний и установлении торговых отношений с западными метрополиями. Даже несмотря на то, что флот и порох появились в Китае на пять веков, а бумажные деньги – на семь веков раньше, чем в Европе, и до начала XIX в. Китай был крупнейшей экономикой мира [4], Поднебесная империя не воспользовалась этими преимуществами для подчинения других стран собственным интересам. Свидетельством равнодушного отношения Китая к происходящей колонизации являлось отсутствие интереса к модернизации военно-торгового морского флота – главного на то время средства для успешного участия в межконтинентальных торговых компаниях [5].

Логично предположить, что причина подобной безучастности к происходящим

процессам нового мироустройства крылась в специфике доминирующей в Китае философии даосизма и конфуцианства, исповедующих умеренность, самодостаточность, гармонию и постоянство. Основоположник даосизма, легендарный мудрец Лао-цзы осуждал богатство, роскошь, знатность, выступал против своеволия и жестокости правителей, против насилия и войн, и в итоге – против борьбы как таковой. В свою очередь конфуцианство негативно относилось к обогащению и возвышению незнатных людей, оправдывая социальное неравенство. Согласно учению Конфуция, каждый человек должен был занимать в обществе строго определенное место, в котором патриархальные традиции играют главенствующую роль; само же общество должно стремиться к серединному состоянию, не впадая в крайности и излишества.

Итак, принципы даосизма и конфуцианства не стыковались с такими доминирующими принципами западной капиталистической модели, как частная собственность, меритократия, эгалитаризм, естественный отбор, конкуренция, эмансипация и общество изобилия.

Понимание цивилизационной специфики Китая проливает свет и на истоки современной торговой политики КНР. То, что сегодня Китай является крупнейшим мировым экспортером, вовсе не означает, что проводимая Китаем внешняя торговая экспансия является выразителем его естественного внутреннего состояния. Скорее следует говорить о том, что западное корпоративное сообщество пытается использовать цивилизационную специфику Китая в своих интересах, а именно за счет неприязнательности, умеренности, прилежания и исполнительности китайских работников снизить до минимума издержки собственного транснационального бизнеса. Тот факт, что более половины китайского экспорта и положительного сальдо торгового баланса приходится на продукцию западных ТНК¹, лишь подтверждает гипотезу о том, что под

прикрытием китайской торговой экспансии происходит дальнейшее распространение ценностей западной, преимущественно англосаксонской цивилизации.

Данный вопрос непосредственно связан с проблемой производительности труда. Превращение Великобритании в XIX в. в ведущую мировую экономику и становление США как экономической сверхдержавы в XX в. основывалось на создании новых отраслей промышленности и широкого спектра новых продуктов. КНР сегодня называют мировой мануфактурой, производящей всю номенклатуру потребительских товаров – от обуви до электроники. Однако Китай до сих пор так и не создал новых брендов, которые по своей узнаваемости могли бы состязаться хотя бы с корейскими конкурентами, не говоря уже о японских или американских ТНК. Наибольшее в мире количество докторов наук и практически полное отсутствие инноваций и собственных оригинальных продуктов – одно из самых серьезных противоречий вхождения Китая в статус мировой сверхдержавы [6].

Что же касается китайских государственных корпораций, включенных в список *Fortune Global 500*, то своими успехами они обязаны, главным образом, американским инвестиционным банкам с Уолл-стрит, которые благодаря собственным экспертным знаниям, в том числе в области имиджмейкерства, смогли провести реструктуризацию китайских госкорпораций таким образом, чтобы сделать их привлекательными для иностранных инвесторов [7].

По мнению американского специалиста в области финансовой истории, автора серии бестселлеров «Война валют» С. Хунбина, для того чтобы Китай был реально интегрирован в процессы глобализации как великая страна нужно не меньше десятка мощных частных компаний, которые бы опирались не на правительство и монополию, а лишь на собственную решимость и сосредоточенность и за счет этого расширяли свою долю на мировом рынке [8].

¹ Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Review Commission. 2011. URL: http://www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/annual_report_full_11.pdf

От резервного юаня к наднациональной валюте

Исходя из описанного положения вещей становится очевидным, что сами китайские власти до недавнего времени находились в состоянии неопределенности в отношении того, насколько активно им нужно продвигать идею интернационализации собственной валюты.

Помимо рассмотренной специфики цивилизационного развития, с экономической точки зрения интернационализация юаня для Китая означает необходимость решения целого ряда проблем.

Первая проблема касается вопроса конкурентоспособности страны, поскольку увеличение спроса на валюту со стороны иностранцев, ведет к росту ее внешней стоимости, то есть валютного курса. Усиление стоимости валюты означает удорожание экспорта страны и более жесткую конкуренцию между субъектами предпринимательской деятельности на внутреннем рынке вследствие удешевления импорта.

Успехи в международной торговле и рост ВВП Китая во многом обусловлены заниженным курсом юаня относительно доллара, что в свою очередь дает Китаю преимущества в торговле с США как крупнейшим импортером китайской продукции. Заниженный курс юаня является одним из наиболее чувствительных вопросов американской внешнеэкономической политики, поскольку США имеют с Китаем наибольший негативный торговый баланс, который в 2015 г. достиг 339,3 млрд долл. США². Американские экономисты и юристы неоднократно призывали правительство США обложить пошлиной импорт товаров из стран с заниженным курсом национальных валют [9]. С момента официального прекращения жесткой привязки к доллару в июле 2005 г. валютный курс юаня последовательно укрепился на 35% – с 8,35 до 6,14 юаней за

доллар США в 2014 г.³. Однако в результате последующей ползучей девальвации курс китайской валюты снова был понижен и в конце января 2017 г. составил 6,88 юаня за доллар США. Официальный Вашингтон продолжает демонстрировать свое недовольство заниженным курсом юаня. В своей предвыборной речи в Геттисберге новоизбранный президент США Д. Трамп назвал Китай валютным манипулятором.

В настоящее время Китай проходит очень сложную фазу перестроения экономики с внешнего на внутренний спрос. Так, доля конечного потребления в ВВП Китая выросла с 48,2 % в 2010 г. до 51,2 % в 2014 г. [10]. В данных условиях ревальвация юаня будет означать, что основная нагрузка по поддержанию высоких темпов экономического роста в Китае за счет экспорта окончательно превратится в задачу государства, что усложнит формирование внешней стоимости юаня по рыночным законам. Негативные последствия для китайской экономики от повышения стоимости юаня могут быть также усилены падением объемов мировой торговли (в 2015 г. размер мирового экспорта и импорта сократились на 13% и 12% соответственно) и мерами по усилению протекционизма и изоляционизма в США (например, 23.01.2017 Д. Трамп подписал указ о выходе США из договора о Транстихоокеанском партнерстве).

С момента начала рыночных реформ Китай проводил политику постепенной либерализации финансового сектора. Согласно заявлениям официальных лиц в дальнейшем (в рамках выполнения 13-го пятилетнего плана на 2016–2020 гг.) Китай намерен сохранить свою приверженность политике правительственной поддержки валютного курса юаня. В основном в результате валютных интервенций международные резервы Китая с середины 2014 г. сократились почти на 1 трлн долл.

² U.S. Bureau of Economic Analysis. U.S. International Trade in Goods and Services. November 2016. URL: <https://www.bea.gov/newsreleases/international/trade/tradnewsrelease.htm>

³ Фонд стратегической культуры. Доллар и юань. Два варианта валютной политики Китая. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2015/12/08/dollar-i-juan-dva-varianta-valjutnoj-politiki-kitaja-37269.html>

США (до 3,05 трлн долл. США в ноябре 2016 г.)⁴.

Считается, что около двух третей резервов Китая номинированы в долларах, хотя доподлинно валютная структура резервов неизвестна, поскольку эти данные засекречены китайским правительством. По данным Казначейства США, в октябре 2016 г. впервые за долгие годы Япония обошла КНР по размеру средств, инвестированных в ценные бумаги американского казначейства⁵. Однако маловероятно, что Китай по собственной воле инициирует распродажу своего колоссального портфеля американских казначейских облигаций. Вызванное подобными действиями резкое падение цены американских облигаций может нанести непоправимый ущерб китайской экономике [11].

Вторая проблема связана с эффективностью контроля над финансовой системой. Подобно Китаю в свое время Германия, Япония и США сформировались в качестве мощных экспортеров благодаря жесткому государственному регулированию собственных финансовых систем. Правительство устанавливало максимальную процентную ставку по банковским депозитам и ограничивало инвестиционные возможности для пенсионных фондов и страховых компаний в целях поддержания стоимости капитала на низком уровне. Поэтому депонирование средств в банковской системе утрачивало свою привлекательность из-за низкой доходности, а спрос на искусственно дешевый капитал превышал предложение. Интернационализация же юаня будет означать, что вкладчики и кредиторы получают доступ к зарубежным финансовым рынкам. Это даст им возможность уйти из-под контроля китайских национальных регулирующих органов, что повлечет за собой нарушение функционирования модели развития,

основанной на доступности относительно дешевого капитала [12].

Третья проблема заключается в несовместимости юаня как резервной валюты с продолжением лидерства КНР как производителя товаров обрабатывающей промышленности (об этом свидетельствует опыт других резервных валют). Сегодняшнее доминирование доллара США на мировой арене обусловлено не столько американским производственным потенциалом, сколько военно-промышленным комплексом США, силой навязывающим мировой экономике использование доллара как ключевой резервной валюты. Однако современное развитие военного потенциала Китая происходит скорее из соображений защиты «срединной империи», нежели для глобализации по американской модели [13].

Следует подчеркнуть, что с 01.10.2016 юань был включен в состав корзины валют, определяющих стоимость СПЗ – безналичного расчетного, кредитного и резервного средства, эмиссию которого осуществляет МВФ – неафишируемый прототип мирового центрального банка. С 2011 г. в МВФ ведется работа по постепенной трансформации СПЗ в мировую валюту и ведущий мировой резервный актив вместо доллара. По данным известного американского эксперта в сфере финансов и права Дж. Рикардса, в США неформально уже принят десятилетний план перехода, который включает увеличение количества СПЗ в свободном обращении, расширяет спектр потенциальных инвестиционных активов в СПЗ, эмитентов, инвесторов и дилеров (таких, например, как Goldman Sachs и Citigroup) [14]. Включение юаня в корзину СПЗ должно ускорить этот процесс. Руководство Народного банка Китая еще в 2009 г. задекларировало свою приверженность СПЗ как мировой валюте⁶. Следовательно, речь идет не столько о замене доллара другой национальной валютой в качестве резервной, сколько о создании единой мировой валюты на базе

⁴ Bloomberg. China Reserves Slumped \$320 Billion Last Year as Yuan Tumbled. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-01-08/china-reserves-slumped-320-billion-last-year-as-yuan-tumbled>

⁵ U.S. Treasury. Major Foreign Holders of Treasury Securities. URL: <http://ticdata.treasury.gov/Publish/mfh.txt>

⁶ Bank for International Settlements. Zhou Xiaochuan: Reform the international monetary. March 23, 2009. URL: <http://www.bis.org/review/r090402c.pdf>

наднациональных денег. Вместе с тем если учесть те преимущества, которые США извлекают из нынешнего положения доллара, введение мировых денег представляется довольно сложной задачей и будет наталкиваться на сопротивление тех кругов, которые заинтересованы в дальнейшем сохранении данного статуса за долларом США [15].

Трансформация институтов глобального управления

Вследствие разрушения политических и технологических барьеров и массового тиражирования технологий все большее количество развивающихся стран (и в первую очередь Китай) включились в освоение ограниченных мировых ресурсов, что ведет к последовательному падению привычного для Запада уровня жизни. Задекларированные Западом принципы глобального развития – открытые рынки, свобода конкуренции, равные возможности – могут подвергнуться ревизии, если Запад попытается сохранить контроль над мировой экономикой [16].

В процессе интеграции в глобальную экономику развивающиеся страны сталкиваются с наибольшими ограничениями в проведении промышленной политики, в частности, касающимися применения стратегий, позволивших в свое время достичь успехов странам Восточной Азии. К примеру, правила ВТО разрешают применение экспортных субсидий только в самых бедных странах, что, например, не позволяет Китаю воспользоваться преимуществами собственных свободных экономических зон [17]. В рамках Вашингтонского консенсуса МВФ и Всемирный банк практически запретили развивающимся странам использовать механизмы экономической политики, сделавшие страны Запада богатыми [18]. По образному замечанию корейского экономиста Ч.Х. Джуна, они «отбросили лестницу», ведущую к глобальному лидерству, тем самым заблокировав развитие других стран [19].

Несмотря на трансформацию мировой экономической и финансовой мощи с Запада

на Восток, действующая система международных финансовых и экономических институтов не подвергалась фундаментальным структурным изменениям. Процедуры принятия решений в этой системе остаются практически незыблемыми. К примеру, МВФ традиционно возглавляется европейцем, а Всемирный банк американцем. Доля Китая в общем числе голосов в МВФ все еще меньше соответствующей доли Японии или совокупной доли Франции и Великобритании, хотя размер японской или англо-французской экономик, рассчитанный по паритету покупательной способности валют, вчетверо меньше китайской.

Точно так же Китай неадекватно представлен в Азиатском банке развития, который по традиции возглавляет японец. Выступая крупнейшим в мире потребителем энергоресурсов, Китай не является и членом такой авторитетной организации, как Международное энергетическое агентство. Несоответствие возросшей экономической мощи Китая уровню его представительства в наиболее влиятельных международных финансовых и экономических институтах послужило поводом для формирования в Азии собственной региональной системы институтов. Эта необходимость стала очевидной уже после Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг., который имел драматические последствия для экономик Таиланда, Индонезии и Южной Кореи. Попытки МВФ применить к этим странам принцип обусловленности кредитования (Вашингтонский консенсус), неудачно апробированный до этого в странах Латинской Америки, вызвал откровенное неприятие в азиатском регионе. Еще большая озабоченность азиатских стран относительно перспектив стабильного развития была вызвана финансовым кризисом 2007–2008 гг., что упрочило их решимость в создании собственных антикризисных механизмов [20].

Активное включение стран Азии в глобальную цепочку создания стоимости в последние два десятилетия привело к резкому росту двусторонних и многосторонних

соглашений о свободной торговле в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). В авангарде этого процесса находится Ассоциация государств юго-восточной Азии (АСЕАН). АСЕАН выступает основной движущей силой Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (Regional Comprehensive Economic Partnership, РВЭП) – торгового соглашения, которое в случае удачного завершения переговоров может объединить страны АСЕАН с Китаем, Индией, Японией, Южной Кореей, Австралией и Новой Зеландией. Кроме того, в северо-восточной Азии обсуждается возможность заключения трехстороннего торгового соглашения между Китаем, Японией и Республикой Корея. Помимо этого в ноябре 2014 г. на саммите Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества Китай призвал к подписанию Соглашения о свободной торговле в АТР. Все эти механизмы представляют потенциальную конкуренцию трансконтинентальным зонам свободной торговли, создаваемым под эгидой США [21].

Безусловно, интеграция Китая в международную систему институтов, созданную и направляемую США, в значительной степени способствовала его экономическому росту. Однако сегодня Китай требует более качественного присутствия и признания своей возросшей экономической мощи на международном уровне, что должно выразиться в растущем влиянии Китая в процессе принятия решений, касающихся развития глобальной экономики и отвечающих китайским интересам. В последнее время Китай выступил с целым рядом институциональных инициатив в сферах экономики, финансов и денежно-кредитной политики, включающих учреждение Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Нового банка развития БРИКС и Фонда шелкового пути, заключение трех десятков своп-соглашений с центральными банками об обмене юаня на другие валюты. Кроме того, он создал номинированные в юанях фьючерсные рынки по торговле нефтью, газом, нефтепродуктами, а также платформу для торговли золотом, запустил Китайскую международную платежную систему CIPS.

Активный выход КНР на международную арену сопровождался борьбой за ресурсы в Африке, Южной Америке и Австралии, выходом крупнейших государственных компаний на иностранные фондовые биржи, массированным финансированием международных финансовых организаций. В начале 2009 г. Китай внес дополнительно 50 млрд долл. США в МВФ; представил 25-миллиардный заем российским нефтяным компаниям, оказавшимся в затруднительном положении; а также предложил десятки миллиардов различным странам и компаниям в Южной Америке, Центральной и Юго-Восточной Азии, чтобы заручиться гарантиями поставок сырья [22].

Активизация внешнеторгового и валютного сотрудничества Китая осуществляется также в рамках Чиангмайской инициативы. «Многосторонняя инициатива Чианг Май» была подписана в 2009 г. в целях поддержания золотовалютных резервов стран АСЕАН путем создания регионального резервного валютного фонда. Без консультаций МВФ разрешено использовать до 30% ресурсов данного фонда, размер которого увеличен до 120 млрд долл. США [23]. Юань постепенно начинает использоваться другими странами при формировании их официальных валютных резервов, в частности, Нигерией, Чили, Малайзией. Не исключено, что к данным странам присоединится и Япония, которая уже давно изыскивает возможности диверсификации своих валютных резервов [24].

При помощи этих инициатив Китай постарается упрочить свой статус восходящей глобальной и евразийской державы. При этом Китай не стремится «изобретать колесо», а китайские официальные лица повсеместно подчеркивают, что создаваемые институты представляют собой не новую, а конкурирующую систему действующим институтам.

Заключение

Через контроль важнейших международных финансовых и экономических организаций США противодействуют реализации Китаем

своего потенциала. По большому счету китайская валютная политика носит оборонительный и подневольный характер с практически полным отсутствием той мальтузианской мотивации, которая является безусловной составляющей в достижении целей мировой финансовой гегемонии. Именно поэтому нельзя исключать, что под видом современной торговой экспансии Китая, выражаемой главным образом в дальнейшем всепланетарном тиражировании потребительских товаров западных ТНК, осуществляется реализация очередного этапа стратегии по продвижению англосаксонской глобализации, на котором Китаю отводится лишь место добросовестного и безупречного исполнителя. Таким образом, недовольство официальных кругов США заниженным курсом юаня можно расценивать как тактический прием в сложной геофинансовой и геополитической игре.

Со сменой политического руководства в США в американо-китайских отношениях в валютно-финансовой сфере следует ожидать

перемен. В зависимости от позиции, которую займет новая администрация Белого дома по отношению к КНР, возможны следующие варианты двустороннего взаимодействия:

- 1) более активное освоение глобального рынка американскими и китайскими ТНК, что может привести к обострению валютных войн;
- 2) сотрудничество в рамках продвижения проекта трансформации СПЗ в полноценные мировые деньги, что будет сопровождаться масштабной реструктуризацией активов, номинированных в долларах США, по всему миру;
- 3) формирование региональных валютных блоков в случае перехода Д. Трампа к практической реализации провозглашенной им повестки дня, направленной на реиндустриализацию Америки.

Независимо от того, как будут развиваться события, мировая финансовая система подвергнется существенной трансформации.

Список литературы

1. *Hankel W., Isaak R.* The Brave New World Economy: Global Finance Threatens Our Future. Hoboken, New Jersey, John Wiley & Sons, 2011, 270 p.
2. *Селищев А.С., Селищев Н.А., Селищев А.А.* Финансовые рынки и институты Китая. М.: ИНФРА-М, 2016. 258 с.
3. *Эйхенгрин Б.* Непомерная привилегия: взлет и падение доллара. М.: Институт Гайдара, 2013. 320 с.
4. *Мэддисон Э.* Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Институт Гайдара, 2012. 584 с.
5. *Киссинджер Г.* О Китае. М.: АСТ, 2014. 635 с.
6. *Коуз Р., Ван Н.* Как Китай стал капиталистическим. М.: Новое издательство, 2016. 386 с.
7. *Walter C.E., Howie F.J.T.* Red Capitalism: the Fragile Financial Foundation of China's Extraordinary Rise. Singapore, John Wiley & Sons, 2011, 234 p.
8. *Хунбин С.* Война валют. М.: Русский выбор, 2015. 528 с.
9. *Mattoo A., Subramanian A.* From Doha to the Next Bretton Woods. *Foreign Affairs*, 2009, vol. 88, no. 1, pp. 15–26.
10. *Мозиас П.М.* «Новая нормальность» китайской экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2015. Т. 59. № 12. С. 15–29.
11. *Рикардс Д.* Валютные войны. М.: Эксмо, 2015. 368 с.
12. *Mallaby S., Wethington O.* The Future of the Yuan: China's Struggle to Internationalize its Currency. *Foreign Affairs*, 2012, vol. 91, no. 1, pp. 135–146.
13. *Катасонов В.Ю.* Китайский дракон на мировой финансовой арене. Юань против доллара. М.: Книжный мир, 2016. 288 с.
14. *Рикардс Д.* Смерть денег. Крах доллара и агония мировой финансовой системы. М.: Яуза, Эксмо, 2015. 432 с.
15. *Бажан А.И., Федоров В.П.* Роль доллара в глобальном управлении // Банковское дело. 2016. № 1. С. 38–45.
16. *Кинг С.Д.* Запад теряет контроль. Три модели финансового будущего мира. М.: Карьера Пресс, 2015. 336 с.
17. *Родрик Д.* Парадокс глобализации. Демократия и будущее мировой экономики. М.: Институт Гайдара, 2014. 576 с.
18. *Райнерт Э.С.* Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. дом. Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 384 с.
19. *Chang H.-J.* Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective. London, Anthem Press, 2003, 187 p.
20. *Wethington O., Manning R.A.* Shaping the Asia-Pacific Future: Strengthening the Institutional Architecture for an Open, Rules-based Economic Order. Washington, The Atlantic Council, 2015. Available at: http://www.atlanticcouncil.org/images/publications/Shaping_AP_Future_Digital.pdf.

21. *Звонова Е.А., Кузнецов А.В.* Трансатлантическое партнерство и безопасность России // США и Канада: экономика, политика, культура. 2016. № 3. С. 19–34.
22. *МакГрегор Р.* Партия: тайный мир коммунистических властителей Китая. М.: Эксмо, 2011. 420 с.
23. *Биндер А.И., Кононов А.Ю.* Валютная политика КНР: исторический аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 2. С. 24–31.
24. *Жариков М.В.* Проблемы и перспективы интернационализации юаня // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 7. С. 36–44.

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

CHINA'S CURRENCY POLICY: A CHALLENGE TO U.S. HEGEMONY?**Aleksei V. KUZNETSOV**Financial University under Government of Russian Federation, Moscow, Russian Federation
kuznetsov0572@mail.ru**Article history:**Received 31 January 2017
Received in revised form
22 February 2017
Accepted 9 March 2017
Available online
27 April 2017**JEL classification:** F01, F31,
F33**Keywords:** US dollar,
globalization,
internationalization,
international financial
institutions, world money**Abstract****Subject** The article addresses the currency policy of China. It explores factors influencing China's implementation of its potential as a rising economic superpower.**Objectives** The study aims at investigating the problems, motives and institutional mechanisms of renminbi internationalization by China.**Methods** The study draws on the dialectical approach. To examine the specifics of China's integration into the world economy, I applied the institutional approach, methods of historical, logical and system analysis.**Results** Historically, China has been far ahead of the West in scientific discoveries and technological inventions, but then it switched to isolationism. In the 21st century, China has become the world manufacture for global replication of Western civilization products. The currency policy plays an important role in this process. International financial and economic institutions founded under the auspices of China create competition but present no alternative to Pan-American institutions.**Conclusions** China is making active efforts to internationalize the yuan. However, the existence of fundamental differences between the American and Chinese approaches to globalization do not allow the yuan to qualify for the multifunction and dominant role played by the American currency in the world today. Moreover, China supports the introduction of a supranational currency, which would be beyond any sovereign jurisdiction.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2017

Acknowledgements

The article is supported by the Russian Humanitarian Science Foundation, grant No. 15-02-00669.

References

1. Hankel W., Isaak R. *Brave New World Economy: Global Finance Threatens Our Future*. Hoboken, New Jersey, John Wiley & Sons, 2011, 270 p.
2. Selishchev A.S., Selishchev N.A., Selishchev A.A. *Finansovye rynki i instituty Kitaya* [Financial markets and institutions in China]. Moscow, INFRA-M Publ., 2016, 258 p.
3. Eichengreen B. *Nepomernaya privilegiya: vzlet i padenie dollar* [Exorbitant Privilege: The Rise and Fall of the Dollar and the Future of the International Monetary System]. Moscow, IET Publ., 2013, 320 p.
4. Maddison A. *Kontury mirovoi ekonomiki v 1–2030 gg. Ocherki po makroekonomicheskoi istorii* [Contours of the World Economy 1–2030 AD: Essays in Macro-Economic History]. Moscow, IET Publ., 2012, 584 p.
5. Kissinger H. *O Kitae* [On China]. Moscow, AST Publ., 2014, 635 p.
6. Coase R., Wang N. *Kak Kitai stal kapitalisticheskim* [How China Became Capitalist]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2016, 386 p.
7. Walter C.E., Howie F.J.T. *Red Capitalism: The Fragile Financial Foundation of China's Extraordinary Rise*. Singapore, John Wiley & Sons, 2011, 234 p.

8. Hongbing S. *Voina valyut* [The Currency War]. Moscow, Russkii vybor Publ., 2015, 528 p.
9. Mattoo A., Subramanian A. From Doha to the Next Bretton Woods. *Foreign Affairs*, 2009, vol. 88, no. 1, pp. 15–26.
10. Mozias P.M. [“New Normal” of the Chinese economy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2015, vol. 59, no. 12, pp. 15–29. (In Russ.)
11. Rickards J. *Valyutnye voiny* [Currency Wars: The Making of the Next Global Crisis]. Moscow, Eksmo Publ., 2015, 368 p.
12. Mallaby S., Wethington O. The Future of the Yuan: China’s Struggle to Internationalize its Currency. *Foreign Affairs*, 2012, vol. 91, no. 1, pp. 135–146.
13. Katasonov V.Yu. *Kitaiskii drakon na mirovoi finansovoi arene. Yuan' protiv dollar* [Chinese dragon on the global financial arena. Yuan against dollar]. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2016, 288 p.
14. Rickards J. *Smert' deneg. Krakh dollara i agoniya mirovoi finansovoi sistemy* [The Death of Money. The Coming Collapse of the International Monetary System]. Moscow, Yauza, Eksmo Publ., 2015, 432 p.
15. Bazhan A.I., Fedorov V.P. [The dollar’s role in global governance]. *Bankovskoe delo = Banking*, 2016, no. 1, pp. 38–45. (In Russ.)
16. King S.D. *Zapad teryaet kontrol'. Tri modeli finansovogo budushchego mira* [Loosing Control: The Emerging Threats to Western Prosperity]. Moscow, Kar'era Press Publ., 2015, 336 p.
17. Rodrik D. *Paradoks globalizatsii. Demokratiya i budushchee mirovoi ekonomiki* [The Globalization Paradox. Democracy and the Future of the World Economy]. Moscow, IET Publ., 2014, 576 p.
18. Reinert E. *Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostayutsya bednymi* [How Rich Countries Got Rich... And Why Poor Countries Stay Poor]. Moscow, HSE Publ., 2011, 384 p.
19. Chang H.-J. *Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective*. London, Anthem Press, 2003, 187 p.
20. Wethington O., Manning R.A. *Shaping the Asia-Pacific Future: Strengthening the Institutional Architecture for an Open, Rules-based Economic Order*. Washington, The Atlantic Council, 2015. Available at: http://www.atlanticcouncil.org/images/publications/Shaping_AP_Future_Digital.pdf.
21. Zvonova E.A., Kuznetsov A.V. [Transatlantic partnership and Russia’s security]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura = USA v Canada: Economics, Politics, Culture*, 2016, no. 3, pp. 19–34. (In Russ.)
22. McGregor R. *Partiya: tainyi mir kommunisticheskikh vlastitelei Kitaya* [The Party: the Secret World of China’s Communist Rulers]. Moscow, Eksmo Publ., 2011, 420 p.
23. Binder A.I., Kononov A.Yu. [China’s currency policy: A historical aspect]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2014, no. 2, pp. 24–31. (In Russ.)

24. Zharikov M.V. [Problems and prospects for internationalization of yuan]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2014, no. 7, pp. 36–44. (In Russ.)

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.